

Привет!

Ты делаешь затяжку. Вдыхаешь яд полной грудью и судорожно выдыхаешь отвратительный дым. Видно, что тебе сейчас не до подробностей, и ты кратко описываешь ситуацию. Ты трясешься. Конечно, на улице стоял кусачий мороз, но ты до последнего притворяешься, что ветер вовсе не такой холодный, каким он кажется мне. Твой пуховик расстегнут, а шарф размотан – болтается на

тонкой шее, словно петля, абсолютно не защищая ее от зимней погоды. Ты в футболке и тонких джинсах с подкатами, сама прекрасно знаешь, что это глупо и нелогично, ведь болеть никогда не было в твоих планах. Кожа на голени покраснела и верно ты ее даже не чувствуешь, как и пальцев на руках, но все продолжаешь держать проклятую сигарету, цепляясь за нее как за спасательный

круг, а я хватаюсь за твои слова, пытаюсь выкарабкаться из ямы, которую ты мне вырыла. Твои глаза блестят, и ты стараешься отвлечь меня от своего лица странными разговорами о погоде и пританцовываниями из-за холода. Видно, что разводить полемику со мной ты явно не намерена, боишься моего осуждения, заведомо зная о провальности своих доводов. Ты предпочитаешь либо говорить о погоде, либо молчать, и я тебя прекрасно понимаю. Мне надоели ссоры и сопли, которые я или ты разводим. Ты делаешь очередную затяжку и выдыхаешь. Ветер разносит запах сигарет и твоих духов: отвратительно-приятный, с долей ностальгии. Зачем я здесь? Ты общаешься со мной лишь, когда не к кому бежать и не за кем прятаться? Хотя, когда плечо само подставляется под твои слезы, ты невольно привыкаешь, и каждый божий раз бежишь, как только станет грустно, заставляя меня придумывать всякие небылицы, вроде нашей нормальной дружбы. Смешно, да? Мы с тобой близки, даже слишком. Тебе ли не знать, что со мной делает твое молчание: оно, буквально, принуждает меня к внутреннему монологу. Пошел снег. Ты недовольно морщишь нос, очки сползают и, я вижу, наконец, твоё лицо. Яркие синяки под твоими грустными, как у щенка, глазами; опять не спишь всю ночь, а ведь обещала лечь вовремя

и не грузиться (хотя мы обе знали, что ты не сможешь выполнить, казалось бы, нехитрую просьбу), волосы, посеченные из-за краски или из-за того, что ты их постоянно брызгаешь духами, чтобы никто не унюхал запах перегара после очередной «культурной прогулки», разобраны на две стороны, сам взгляд какой-то уставший и отрешенный. Когда ты стала такой? Больно на тебя смотреть, хотя не прошло и года после нашего расставания. Я все еще ищу в тебе ту маленькую девочку, мою лучшую подругу, которая не плюет на проблемы других - простых смертных вроде меня, а наоборот очень старается помочь и поддержать, которая не ходит по впискам, не начинает

встречаться с парнем, а потом ноет, почему ее джентльмен, найденный за три минуты, не опекает ее, не звонит, не

пишет, да и не скучает особо, хотя и мутит с ним три дня по никому неизвестной причине. Но я пытаюсь найти в себе

силы остаться с тобой, несмотря на уговоры друзей. И ты знаешь это, ты точно знаешь, что я не крыса, я не побегу первой с тонущего корабля, с твоим гордо выгравированным на нем именем. Я останусь до последнего, пока ты, эгоистка, не разрушишь меня и не соберешь заново, как кубики. Из великолепного замка в простой домик, который так тебе нравится. Порой мне кажется, что я гребанная мать Тереза и... Небезосновательно, да? Наконец, ты делаешь последнюю затяжку и швыряешь сигарету на свежий снег, попутно топча ее своим ботинком. Твои уши побагровели, как и нос, а губы стали мертвенно-бледными, словно

ты – ходячий труп, что является частично правдой и это меня пугало на протяжении всей, блин, дружбы и отношений, которые сложились на методе «проб и ошибок», оставив на моем сердце глубокий шрам под названием «Первая неудачная любовь». Я смотрю тебе в глаза. Пытливо и настойчиво, приподнимая правую бровь, добавляя некого пафоса своему образу. Но ты отводишь взгляд, предпочитая созерцать заполненный мусорный бак, нежели меня. Ты знаешь, чего я жду, но явно не хочешь это давать мне, любимой в прошлом жилетке. А я уповаю на правду, которой ты меня лишила. Тебе приходится придумать повод отмазаться от моих немых расспросов: просишь одолжить на шоколад или лапшу. И я опять соглашаюсь, а сама матерюсь в голове, проклиная себя и свою доброту, и щедрость, так мне не присущую. Наше молчание затягивается, оно как тягучий сироп обволакивает тебя и меня, затекает в уши, в рот и нос, давит на плечи, настолько оно осязаемо. Ты вытаскиваешь наушник – знаю этот жест. Обычно делаешь это, если музыка отвлекает тебя от моего бурного потока речи, и ты

заинтересована в разговоре со мной, но я сейчас молчу, как, собственно, и ты. Значит, ты достигла перенасыщения чувствами и наступает полная апатия к происходящему. Тебе опять становится настолько плевать, что ты перестаешь обращать внимание на внешние агрессоры, например, меня. Опять прячешься в импровизированный панцирь, который покрывает тебя с ног до головы и сломать его можно лишь громкими криками и обзывательствами. Мы идем к магазину, и ты делаешь задумчивое, даже напряженное лицо. Что происходит в твоей голове? Думаешь ли ты о том, что произошло с тобой недавно и низвергло в пучину глубочайшей депрессии (которую

ты умудрилась сама себе диагностировать) или же придумываешь, как сказать мне какую-либо новость? Сглаживая факты и искажая правду до неузнаваемости, скрывая важные детали, чтобы я отстала со своей заботой, а то «как насадка, ей-богу». Мне сложно представить, на что способен мозг такой, казалось бы, уравновешенной девочки, но на деле сущего дьявола, который бьет на повал без капли сожаления и здравого смысла. Мы заходим в магазин, пару секунд стоим, пропуская теплый воздух под одежду, давая согреть озябшие тела. И это реальное блаженство. Ты, конечно, не признаешь этого, но я вижу как ты, наконец, расслабилась и

выдохнула. Радуюсь. Я смотрю в зеркало, любезно повешенное на одном из стеллажей, ты подходишь за мной, а затем

идешь к продуктам, бросая в след что-то вроде «ужасно!». Мы долго определяемся, с тем, что нам съесть, но, все же

остановив выбор на простом «завтраке, обеде, ужине студента» и булочки с моей стороны, мы идем на кассу. Наконец, заплатив угрюмой продавщице с не менее угрюмой фоткой на бэйджике, мы решаем есть прямо в магазине, ибо идти никуда не хотелось. Я усаживаюсь прямо на стул, и ты садишься напротив, попутно раскрывая упаковку лапши. И мы едим. Молча. Не промолвив ни слова, уминая еду, общая сумма которой 50 р. Твой телефон вибрирует. Ты открываешь его и быстро строчишь тому парню, имя которого вызывает у меня болезненный зуд в районе кулаков. Сам факт его существования уже выводит меня из себя. Я начинаю смачно жевать уже пресную булочку с абрикосом и злобно стрелять в тебя взглядом. Ты стараешься не подавать виду, но видно, что тебе крайне неудобно. Вспоминаю прошлое, пока ты увлечена беседой с другим. Как же хорошо все начиналось! Я помню тот ужасно жаркий летний день, который ничем не отличался от остальных, но произошло событие, которое перевернуло всю мою жизнь к чертям собачьим и теперь

я словно душевный калека прошу от тебя внимания. Ты – маленькая девчушка с длинными волосами и большими ладонями, прям как у меня. На внешность абсолютно обычная, вечно ходила с заспанками на глазах, а я боялась сказать об этом, в кислотно-зеленой маминой футболке, вечно с плеером и наушниками. Изменилась ли ты? Ну, начала краситься, одеваешься

в стиле гранж, не носишь смешные очки в тонкой оправе, отращиваешь ногти с километр, что дико тебе не идет, но впрочем, какая разница? В тебе до сих пор живет ребенок, который требует постоянного внимания и вечно пререкается со всеми. И знаешь, в этом плане, я была идеальным вариантом. Вечно бегала за тобой, словно собака, моля о прощении за... я никогда особо не была виновата, в общем-то, это ты постоянно обижалась и не

разговаривала со мной, и это оказало влияние на меня. Я стала импульсивным истеричным ребенком, который отыгрывался на своих настоящих друзьях и, слава яйцам, друзья остались со мной даже после этого. Первое время, я общалась с тобой лишь потому, что ты покупала мне еду (теперь все наоборот), но затем во мне появился странный животный интерес раскрыть все грани твоей души. Узнать все твои эмоции, увидеть все твои реакции, запомнить все твои движения. Я была странной, ха-ха. Но, тем не менее, что было, то было, не знаю, откуда я понабралась этого дерьма. Мы так и сидели в тишине, твое лицо все еще было уткнуто в телефон, я никак не могла докончить булочку с таким ненавистным мне абрикосом. Я смотрела на свое отражение. Сильно же осунулась: обтягивающие джинсы не

прилегли, лишь сбились в складки, что расстраивало (куда уж хуже), выступили скулы, пальцы стали тоньше, ногти слоятся, сильнее видно ключицы. Что ты со мной сделала? Я слишком исстрадалась из-за тебя, мне тяжело с тобой и без тебя. Когда я смогу отпустить и не представлять тебе по ночам? Когда перестанешь мне уже снится и оставишь меня, забрав все то хорошее, что между

нами было? Так много вопросов, так мало ответов. Я хмыкаю, ты смотришь на меня в упор. Читаю непонимание в твоём взгляде и бросаю что-то вроде: «шутку смешную вспомнила», а ты отвечаешь каким-то обзывательством, и я наигранно суплюсь и начинаю тупить в телефон. Ты, с визгами, пытаешься отобрать его у меня, аргументируя тем, что я гуляю именно с тобой, но не обращаю на тебя внимания. У меня, конечно, дико кипит, но, я убираю. Не вижу смысла для ссоры на, буквально, пустом месте. Мы опять садимся и начинаем разговор о школе, я успокаиваюсь. Ощущение, что ты резко скакнула вниз. Твоя речь скатилась к каким-то быдловатым заезженным фразочкам, которые заставляли меня морщиться. Куришь как паровоз (который не смог, ага). Я стараюсь развить тему, но выходит

не очень и все скатывается к обсуждению твоей личной жизни, которой я уже сполна насытилась. Снег за окном превратился в метель, напрочь отменяя желание гулять, единственное, что хотелось, так это лечь в постель, включить атмосферных нбхд

и смотреть в окно, просто наслаждаясь восхитительной погодой, рефлексирюя. Жду уже чертову весну, лишь бы, наконец, забыть тебя. Прочь из моей головы очень срочно. Мы все еще общаемся. Все друзья, как один, вопиют о немедленной капитуляции ее из списка контактов и френд-листа, лишь бы не мелькала лишний раз в ленте, и мне не хотелось ей позвонить. Но я упорно

верила, что мы подружимся, как раньше. Что все будет как раньше... Становилось теплее с каждым днем. Ты уже ходила с расстегнутым замком и меньше кашляла. Теплое пальто сменилось на тонкую куртку, которая, к слову, абсолютно не шла тебе. Мы все меньше общались, и все наши разговоры сводились к каким-то спорам, которые оканчивались твоей обидой. Я продолжала наблюдать за тобой: манеры, стиль речи, отношение к аспектам жизни. Ты менялась и это поразительно! Меня всегда удивляло то, как горстка пьяных подростков могла изменить тебе в мановение ока, когда даже я, значимый, по твоим словам, человек, не смог вытворить такое за пять лет. И, знаешь, я ревную немного. Помню те времена, когда я изрыгала тирады по поводу и без (тебе, опять же, казалось, что для моего волнения нет причин). И именно вокруг тебя вертелась моя жизнь. Я так много раз пыталась вытащить тебя из депрессии, которую ты себе диагностировала, что сбилась со счета. Во мне

всегда пылало желание заботиться о ком-то, и я нашла тебя. Тогда мы с тобой очень любили метафору с лампочкой. Помнишь? Случайно найденный пост в одной из групп, а-ля «Институт настоящих душевнобольных», где некоторые имбицилы любили постить фотки изрубленных в мясо запястий, что вызывало во мне какое-то отвращение. Настолько странно наблюдать за 11-летними малютками, судящих о своем психическом здоровье по картинкам из тамблера. Глупо ли это? Да. Так мне казалось раньше, и кажется сейчас. Сама метафора была примерно такого содержания: «Ты постоянно переживаешь из-за чего-то, тратишь на это нервы, волнуешься. Но в один прекрасный момент тебя переключивает и ты, словно лампочка, гаснешь. Чувства

притупляются, наступает апатия к происходящему и ты понимаешь, что это конечная, больше подобное тебя не касается.» И первое время я размышляла о правдивости сих строчек, перейдя к утвердительному ответу. Ты интерпретировала их, конечно, по-своему, но, по большей части, наши мнения похожи. Я даже могу привести пример. Ты выходишь из комнаты, оставляя меня наедине со своими мыслями. Очень и очень зря. Я рассматриваю шкаф, обклеенный фотками тебя и твоего ублюдка-братца, и посмеиваюсь. Надо же, ты когда-то была таким милым и непорочным ребенком, не то, что сейчас. Столько времени утекло... И опять я вспоминаю наш апрель, больше полугода отношений, япо-настоящему влюбляюсь в тебя к тому времени. И ты сразу же заставляешь меня проглотить раскаленный добела прут, заставляющий все мои органы пылать, а меня кричать в агонии. Ревность – то, что я ненавижу и презираю любые попытки заставить меня ревновать. Ты бьешь по самому больному – моим страхам. Все наши несколько месяцев, я втайне боялась, что ты влюбишься в парня. И не зря. Как сейчас помню ту переписку, а-ля «у тебя милая подруга, познакомишь?». Никогда

еще я не делала такой ошибки, о которой жалею до сих пор (но и благодарю, ведь она помогла узнать тебя лучше). Все началось с простой дружбы. Прогулки 24/7 с этим парнем, который забавно произносил мое имя и смешно шутил. «Хороший-друг и

–отличный-товарищ» - так я его окрестила. Месяц прошел. Вот и подъехали контрольные и зачеты, учебашка полным ходом. Только не у меня. Мне было крайне тяжело, и ты знала. Ты была той еще «понимающей» сукой. Меня крайне волновало то, что вы много общаетесь,

и какие шутки он пускает. Мое имя перестало звучать забавно, скорее, с какой-то язвительностью. Ха-ха, первый звончок. Ты начинаешь присылать переписки с ним, и я перестаю быть центром твоей вселенной. Интернет-дружья, как и я, уходят на задний план: тебе не особо

нужна наша поддержка, у тебя есть он – умеющий подбирать слова, невероятно обаятельный мальчишка, с вечно распростертыми объятиями и плечом для твоих слезок, которые он старательно стирает с твоих пухлых щек. И ты млеешь под этими прикосновениями. Вы уже открыто обнимаетесь и ходите при живой мне за руки, слыша нервные смешки. Ты крадешь его кепку, и ходишь в ней постоянно. Пахнет им, приятно, да? Я прошу тебя остановиться. Прекратить общение или просто ограничить, установить определенные

рамки допустимого. Но вы ведь просто друзья. Не подкопаешься... А потом все покатило в тартарары. Вы уже не просто друзья. О, далеко нет. Он отнекивается, а ты хнычешь и рассказываешь правду. Я чувствую себя победителем, ведь предчувствия меня не обманули, но нравится ли мне такая победа? Я бы предпочла избежать фанфар, медалек, грамот и потерпеть поражение. Слишком уж я настрадалась. Ты признаешься, что вы целовались «дохренищу раз», а я потухаю. Прямо как та лампочка, да. Не плачу, не истерю, лишь апатично, стеклянными глазами смотрю в экран телефона, пытаюсь осмыслить происходящее. Мне абсолютно все равно и я просто молча пережевываю информацию, ожидая нелепых оправданий. Ты же запуталась, да, моя девочка? Простить или нет? Отличный вопрос. И я почти решаюсь это сделать. Переступая через себя, но искренне хочу простить, питая слабые надежды, что все улучшится. Моя подруга

уговаривает меня все же бросить. И я бросаю. Но ты, словно никотин, вызываешь привыкание, настолько огромные дозы тебя были введены внутривенно. И я ломаюсь: пишу тебе, мол, все не серьезно, это был глупый розыгрыш. Ты продолжаешь общаться с ним, но ласково улыбаешься мне, стараясь не упоминать его в разговоре и произошедшее в общем. И я продолжаю жизнь с свинцом в груди и

жаждой мести, приговоренная ко второму разочарованию в наших отношениях, непосредственно в тебе. Проходит больше полугода и мы все еще вместе. Эти отношения становятся рутинной, мы с тобой гуляем, я вновь центр твоей вселенной, слава богу. Но в течение нескольких дней все теряет смысл. Алкоголь – зло. Не потому что он губит организм, а потому что он развязывает язык. И о некоторых вещах, произнесенных в тот роковой понедельник, я бы предпочла не слышать. Промойте мозги, ударьте чем-нибудь тяжелым, лишь бы все забыть. Кучка пьяных подростков в одной квартире. Ты там с полудня, а я прихожу часом позже тебя в уже задымленные комнаты. Ты напилась по самый бубен, да и я не лучше. Ты плачешься моему другу в плечо, а я просто наблюдаю. Клик. Лампочка потухла. Я забиваю на вас, стараясь сосредоточиться на своих ощущениях и картинке на экране смартфона. Через два часа домой. Паникую. Перегар, идущий от меня, можно сравнить лишь с перегаром бомжа. Настолько шлейф аромата был явен остальным. В пьяном угаре танцуют парни, мы хлопаем и смеемся. Я клюю носом. Моего друга и тебя, о, богиня заплеванных подъездов, все еще нет в поле моего зрения. «Ничего, - думаю я, - мне еще представится возможность расспросить эту плаксу». Дома, конечно же, меня ждет злая мать, которая

заподозрила неладное еще при звонке мне. Я также апатична. Мне все равно, что за слова доносятся из ее уст, что со мной будет, и как она поступит со мной сейчас. Я прощаюсь с телефоном, надеясь, что пароль от компьютера все тот же. Плачу над сериалом на следующий день, когда бестия идет на работу. Приходит сообщение от тебя. Объясняешь, что до тебя дошло только сейчас, что ты любишь того друга с квартиры, а я не должна страдать. Я понимаю, к чему эта женщина клонит. И мы расстаемся. Наша история как пары подходит к концу. Ты предлагаешь остаться друзьями, я соглашаюсь. Мне ничего не остается, слишком уж я

привязалась к тебе, как к человеку. Я позволяю пустить себе слезу и громко сматериться. Так жалко и бессмысленно кончился наш год и пара месяцев. Так грустно и обидно за себя. Мне плевать, что ты чувствуешь, сейчас ты – сука, а я – твоя жертва. Вот так. Я минут 20 просто залипаю в экран и отказываюсь принимать, что ты так обошлась со мной. Предала меня, растоптала, безжалостно столкнула в яму, которую рыла для меня. Смеюсь. Это произошло лишь три месяца назад, но я максимально забила на это и сейчас спокойно сижу у тебя в гостях. Ты открываешь дверь и пускаешь свою подругу, которую я ненавижу больше, чем все абрикосовые булочки вместе взятые. Она матерится и страшно улыбается, я встрепенулась. Смотрю на твое лицо. И оно быстро приобретает пренебрежительный оттенок, словно это не я сижу на диване, а враг всяя Руси, но я лишь натягиваю отвратительно высокомерную ухмылку и приветствую пришедшую гостью. Мы обсуждаем различные новости, в которых я ориентируюсь, говорим о концертах и исполнителях. Ты начинаешь собираться, спрашивая о том, что надеть. А я наблюдаю за твоим телом. Ты набрала. Позвоночник выступает на твоей спине, и я провожу взглядом вверх по неровной линии к шее. Ты разворачиваешься ко мне лицом, и мои глаза скользят по бедрам. Вся в мелких синяках, а особенно ноги, я знаю, что тебе не бьют (по крайней мере, не так сильно, чтобы не походило за домашнее насилие), поэтому мгновенно комментирую этот факт гематом на икрах, и ты криво смеешься, продолжая выбирать футболку. Я бросаю скромные замечания, а твоя подруга лишь нахваливает внешний вид, как бы убого ты не выглядела. И ты предпочитаешь слушать ее,

нежели меня. В очередной раз затыкаешься и я сдаюсь. Больно надо. Я уйду от тебя в плохом настроении и понимаю, что надо бросать все это. От такого общения никакого удовольствия и тем более пользы. Надо проводить черту. Помню даже с мамой говорили об этом. Мне кажется это и есть край. Когда перестает нравиться любое взаимодействие и даже несмотря на то, что у тебя толком и нет друзей, ты хочешь бросить ту единственную и неповторимую дьяволицу, что сидела в подкорке и нещадно не хотела убираться оттуда. Но теперь она сама растворяется и исчезает, словно сон длиною в несколько лет, несколько беспощадных лет, что знатно потрепали мою психику, сбили самооценку. Я, наконец, дышу спокойно. Я научилась жить без тебя и радоваться различным вещам. Уделять время себе и наслаждаться, жадно глотая свободу, бьющую изо всех щелей, исходящую от любого человека. Я понимаю, что через 10 лет я не вспомню твоего имени с фамилией и даже переживать об этом не буду. Все давнишние обиды отступят на второй план, и я прощу тебя. словно ничего не было между нами: ни тех измен, ни тех истерик, ни тех событий вкуче. Я просто буду благодарна за опыт. И пишу я это письмо не столько тебе, сколько себе, чтобы не забыть ту гамму эмоций и тот спектр чувств, так затронувших меня. Все, что между нами было теперь не греет

мою душу. Пусть тебя больше ничто тебя не тревожит, тебя я больше не жалею, не зову, не плачу. Хочется закончить прекрасным стихотворением Есенина (ты знаешь мою любовь к нему).

Ах, как много на свете кошек,
Нам с тобой их не счесть никогда.
Сердцу снится душистый горошек,
И звенит голубая звезда.
Наяву ли, в бреду иль спросонок,
Только помню с далёкого дня —
На лежанке мурлыкал котёнок,
Безразлично смотря на меня.
Я ещё тогда был ребёнок,
Но под бабкину песню вскок
Он бросался, как юный тигрёнок,
На оброненный ею клубок.
Всё прошло. Потерял я бабку,
А ещё через несколько лет
Из кота того сделали шапку,
А её износил наш дед.

1925

Спасибо за все!

Теперь не твоя, ...

Страница книги Ты и я в интернете